

другихъ, которые не надѣялись на искреннее прощенье. На крымскихъ же Татаръ побоище при Керменчикѣ навело оцѣпленіе и ужасъ; опасаясь такой же участи, они стали немедленно тысячами переселяться въ Турцію.

Войска пошли на зимнія квартиры; Суворовъ съ небольшою частью отряда направился прямо степью на Ейскъ. Путь лежалъ длинный, безъ малаго 300 верстъ, и трудный; время стояло позднее; пришлось переправляться чрезъ большое число рѣкъ, настилать мосты изъ чего попало, либо переходить въ бродъ по поясь. На бѣду мурза съ нѣсколькими Ногайцами, служившіе проводниками, взяли направленіе слишкомъ къ сѣверу, такъ что прибавили нѣсколько десятковъ верстъ пути, и въ отрядѣ сталъ ощущаться недостатокъ продовольствія. Харчевого запаса достало въ обрѣзъ, въ послѣдній день похода все было съѣдено безъ остатка. Пришли въ концѣ октября.

Суворовъ посѣтилъ аулы окрестныхъ покорныхъ Ногайцевъ и свидѣлся тамъ со многими старыми знакомыми. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ джамбулудцкій мирза, столѣтній Муса-бей, бывший врагъ Русскихъ, но съ недавняго времени ихъ приверженецъ. Лаская и задабривая между Ногайцами вліятельныхъ лицъ вообще, Суворовъ однако отличалъ Муса-бея отъ другихъ и выказывалъ ему особенное расположеніе, благодаря его личнымъ качествамъ. Онъ былъ человѣкъ добраго сердца, постоянно помогалъ бѣднымъ, отличался вѣрностью своимъ пріятелямъ и постоянствомъ, ненавидѣлъ роскошь, наблюдалъ въ своемъ быту замѣчательную чистоту и европейскую опрятность, былъ лихой наѣздникъ и веселый собесѣдникъ, любилъ хорошо покушать и порядочно выпить; вдобавокъ ко всему оказывалъ Суворову расположеніе, похожее на отеческую любовь. Все это сблизало Суворова съ Муса-беемъ и питало въ немъ пріязненное къ престарѣлому мурзѣ чувство, которое нѣкоторые писатели раздули въ настоящую, искреннюю дружбу и указывали на это обстоятельство, какъ на черту своеобразной, причудливой природы Суворова. Дружбы не могло быть, но желаніе поддержать съ Муса-беемъ добрыя отношенія существовало, и Суворовъ пользовался всѣми удобными къ тому случаями. Такъ и теперь, по возвра-

щеніи изъ экспедиціи, узнавъ, что бодрый, крѣпкій старикъ собирается обзавестись новой женой, Суворовъ купилъ у казакъ молодую, красивую черешенку и подарилъ ее ему.

❧ Зимѣ 1783—1784 годовъ Суворовъ провелъ въ крѣпости св. Дмитрія, гдѣ проживало и его семейство. Тутъ часто посѣщали его ногайскіе старшины, отсюда же онъ продолжалъ свою служебную переписку съ Потемкинымъ, который, будучи закупленъ успѣхомъ закубанской экспедиціи, уже никакихъ неудобольствъ и замѣчаній ему не заявлялъ.

Шагинъ-гирей продолжалъ скрываться за Кубанью. Если онъ не могъ оттуда приносить Россіи положительнаго вреда, то въ состояніи былъ причинять ей безпокойства и затрудненія, такъ какъ Порты искала къ тому всяческихъ поводовъ, хотя у нея и не хватало духа пользоваться ими рѣшительно и настойчиво. Надо было выманить его оттуда, и Потемкинъ возложилъ это на Суворова. Въ ноябрѣ Суворовъ получилъ рескриптъ Императрицы и письмо Потемкина для врученія того и другого Шагину. Еще весной Екатерина писала Потемкину, что стоворчивость Шагинъ-гирейя заставляетъ ее, Государыню, согласиться на его желаніе — завоевать въ Персіи владѣніе не меньше Крымскаго полуострова и проложить ему, Шагину, дорогу на шахскій престолъ; до приступленія же къ этому дѣлу, назначается ему 200,000 рублей годового содержанія. Засимъ въ октябрѣ она писала эскел-хану тоже самое, съ присовокупленіемъ, что для его временнаго жительствова назначаются Воронежъ. Это-то письмо Суворовъ и долженъ былъ доставить Шагинъ-гирею вмѣстѣ съ Потемкинскимъ, а также убѣдить его въ необходимости безпрекословнаго повиновенія, представивъ ему со своей стороны разные доводы, въ особенности указавъ, что Порты никогда не отличалась такою къ Крымскимъ ханамъ щедростью. Не видно, чтобы за этимъ дѣломъ Суворовъ ѣздилъ на Кубань; вѣроятно онъ далъ порученіе кому-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ. Шагинъ-гирей поддался убѣжденіямъ не сразу и выѣхалъ изъ-за Кубани лишь весною 1784 года. Онъ прожилъ въ Россіи не долго; его заѣдали грусть и тоска по прежней власти, по минувшемъ величій. Съ дозволенія Екатерины онъ отправился въ Турцію,

А
былъ принятъ по наружности приличнымъ образомъ, но въ Константинополь не пущенъ, а отвезенъ на островъ Родосъ, гдѣ его вѣроломнымъ образомъ задушили⁹⁾.

Въ февралѣ 1784 года Суворовъ получилъ отъ Потемкина извѣщеніе, что Порта торжественнымъ актомъ признала подданство Крыма и кубанскаго края Русской Императрицѣ. Вслѣдствіе такого упроченія мира, войска получали новое распредѣленіе, и вся граница отъ Азовскаго до Каспійскаго моря отходила подъ общее начальство генерала Павла Потемкина. Суворову указано по сдачѣ войскъ ѣхать въ Москву, гдѣ онъ получитъ повелѣніе на счетъ своего новаго назначенія. Въ апрѣлѣ Суворовъ отвѣчалъ, что выѣзжаетъ.

Усердно поработалъ Суворовъ въ южномъ краѣ въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ, но въ трудахъ его ничего не было блестящаго, быющаго въ глаза. Мало прибавилъ онъ тутъ къ своей зарождающейся боевой славѣ, но упрочилъ свою извѣстность въ глазахъ безпристрастныхъ наблюдателей и въ средѣ арміи. Постоянно среди солдатъ, особенно во времена трудныя, онъ дѣлилъ съ ними и тяготу, и опасности, и горькія минуты безвременья. Безъ всякаго надъ собою насилія, которое не скрылось бы отъ солдатскаго чутья, онъ велъ жизнь одинаковую съ послѣднимъ рядовымъ, довольствовался одною съ нимъ пищею и болѣе стойко и равнодушно переносилъ всякія крайности и лишенія. Солдаты видѣли въ немъ не только своего брата-солдата, но притомъ солдата рѣдкаго, какихъ мало. Онъ всегда былъ веселъ, разговорчивъ, шутливъ; его грубоватое, а подчасъ и грязноватое балагурство не годилось для салоновъ и гостиныхъ, но было безцѣнно въ лагерьѣ, на бивакѣ, на походѣ. Сверхъ того онъ обладалъ тактомъ — при простомъ, даже фамиллярномъ обращеніи съ солдатами, нисколько не поощрялъ ихъ къ взаимному съ нимъ панибратству. Самая грубая солдатская натура это понимала, все повиновались ему безусловно, всякій чувствовалъ къ нему почтеніе и даже страхъ.

Послѣдующіе два года Суворовъ провелъ въ мирныхъ занятіяхъ или, по его выраженію, въ бездѣйствіи. По отъѣздѣ съ юга онъ получилъ въ начальствованіе Владимірекую дивизію и

А

въ половинѣ года ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Петербургъ. О поѣздкѣ своей онъ сообщилъ Потемкину и въ заключеніе прибавилъ: «пріятность праздности не долго меня утѣшить можетъ; высокая милость вашей свѣтлости исторгнетъ меня изъ оной поданіемъ случая по высочайшей службѣ, гдѣ я могу окончить съ честью мой животъ». Но это извѣщеніе было дополнено со стороны и другими. Какъ ни велико было могущество временщика и какъ ни мелокъ казался передъ нимъ Суворовъ, но одинъ изъ сателитовъ Потемкина счелъ своимъ долгомъ сообщить ему — зачѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ Суворовъ, что тамъ дѣлалъ и говорилъ. Турчаниновъ пишетъ Потемкину, что Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ никѣмъ неожиданный и пожелалъ представиться Государынѣ по случаю полученія ордена св. Владимира. Его пригласили къ столу. Когда Екатерина вошла, онъ по своему обычаю двукратно поклонился ей въ землю, былъ принятъ милостиво и удостоенъ разговоромъ; по выходѣ изъ-за стола повалился снова въ ноги и откланялся. На другой день ѣздилъ въ Гатчину, къ наслѣднику, и сдѣлалъ тоже самое. Турчаниновъ слѣдилъ за Суворовымъ шагъ за шагомъ и допытывался у него настоящей цѣли его пріѣзда; Суворовъ отвѣчалъ, что пріѣзжалъ поблагодарить «матушку» да повидать свою дочь; онъ говорилъ только о своихъ семейныхъ неприятностяхъ (тогда онъ уже разстался съ женой), мѣстомъ службы былъ весьма доволенъ и т. п. ⁵⁾.

Можетъ статься, Суворовъ былъ на самомъ дѣлѣ доволенъ своимъ служебнымъ положеніемъ, только не надолго, какъ и предупреждалъ передъ тѣмъ Потемкина. Прежде всего поднялись тревоги за прошедшее время. Сфера Суворова была чисто-боевая; канцелярская работа, отчетность, интересы хозяйственно-подрядческіе, лавированіе между закономъ и совѣстью — все это претило ему, тревожило его; всего этого онъ просто боялся. А тутъ дошли до него какіе-то слухи про неисправность отчетности кубанскаго корпуса; счетная экспедиція не присылала квитанцій и т. п. Сгоряча Суворовъ пишетъ чуть не отчаянное письмо въ Петербургъ: «истинно съ ума сойти; пожалуйте кончите сіе, я очень боюсь прицѣпокъ. Пусть бы уже сказали,

коли какой начеть; я его отдамъ черезъ нѣсколько дней, — деревню подъ закладъ; за что же казнить! Христа ради не жалѣйте денегъ.» Но подъ конецъ письма онъ, освободившись отъ перваго остраго впечатлѣнія, самъ видитъ, что изъ мухи дѣлается слона, и потому пишетъ уже другое. «Какой это вздоръ!... Но отъ важныхъ дѣлъ обращенъ будучи нынѣ къ праздности, пойдутъ такія мысли. Избѣгая худшее, готовьте меня лучше искать фортуны въ чужихъ странахъ». Тревога конечно была напрасная; ни начетовъ, ни чего либо подобнаго не существовало ²⁾).

Въ дѣйствительности Суворовъ праздненъ не былъ; кромѣ занятій по службѣ, правда не сложныхъ, онъ трудился по домашнимъ дѣламъ, по хозяйству въ вотчинахъ и велъ дѣятельную переписку съ управляющими и повѣренными. Но все это у него за дѣло не считалось. Въ декабрѣ 1784 года онъ пишетъ Потемкину довольно длинное письмо; говоритъ про свою праздность, про свое безкорыстіе; замѣчаетъ, что для него есть другія, болѣе подходящія должности. Указывая на дивизіи, одною изъ которыхъ желалъ бы командовать, онъ прибавляетъ, что впрочемъ готовъ хоть въ Камчатку, лишь бы быть самостоятельнымъ (подчиненнымъ одной военной коллегіи); что въ роскоши жить не можетъ; что ѣхать за границу — та же праздность.

«Одно мое желаніе, чтобы кончить высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ приобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познанія свѣтскихъ наружностей; препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ нимъ привыкать. Наука просвѣтила меня въ добродѣтели: я лгу какъ Эламинондъ, бѣгаю какъ Цезарь, постояненъ какъ Тюрень и праводушенъ какъ Аристидъ. Не разумѣя изгибовъ лести и ласкательствъ, моимъ сверстникамъ часто не угоденъ. Не измѣнилъ я моего слова ни одному изъ непріятелей; былъ счастливъ, потому что я повелѣвалъ счастіемъ» ²⁾).

Изъ этого замѣчательнаго письма между прочимъ видно, что скромность не входила въ число добродѣтелей Суворова, что впрочемъ постоянно выказывается и его поступками. Но Суворовъ не хвастаетъ, а говоритъ искренно, въ полномъ сознаніи